

После ухода бессмертного владыки Цзин Цяньшань, не выпуская из рук зеркало, все еще пребывал в смятении.

Держа его сейчас, он отчетливо ощущал, что это отнюдь не обычная вещь: поверхность, подобная глади воды, не собирала ни пылинки, а внутри лишь клубились неясные тени. В нем не отражалось даже его собственное лицо.

Это одностороннее зеркало, объяснил Фу Тинсюэ, оно поможет его величеству унять тоску по возлюбленному.

Будучи императором человеческого рода, Цзин Цяньшань никогда не питал особого интереса к мистическим вещам. Если бы какой-нибудь бродячий маг или даос преподнес ему подобный артефакт, он бы ни за что не поверил. Однако человек перед ним был вне всяких сомнений тем самым бессмертным владыкой Фу Тинсюэ, который уже давно поддерживал связь с императорским домом.

В голове пронеслись тысячи мыслей.

Стал бы бессмертный владыка причинять ему вред?

Нет. Цзин Цяньшань прижал зеркало к груди и решил поверить, что это дар, ниспосланный небожителем.

Он внимательно изучил зеркало, но так и не понял, как оно работает, поэтому поставил его на резной письменный стол. Теперь, стоило ему поднять голову во время чтения докладов, как он сразу видел его.

Если держать его здесь день за днем, в нем ведь наверняка что-то появится?

А кто еще, кроме того послушного, хрупкого и прекрасного юноши, мог избавить его от тоски?

Приходилось признать: в глубине души у него зародилось тайное, но твердое желание.

Возможно, его возлюбленный так сильно тосковал, что небожитель решил сделать им такой подарок. Вспомнив нежное, полное зависимости лицо Шэнь Няня, молодой император погрузился в свои мысли. Уголки его губ приподнялись, и он замер, словно тонул в сладком океане любви.

За белой занавесью снаружи Фу Тинсюэ отчетливо видел эту сцену.

Он собирался уйти сразу, как только Цзин Цяньшань поставил зеркало Шаньхай на стол.

Но, глядя, как император, пребывая в уверенности, что его чувства взаимны, светится удовлетворением от любви, он задержался. В глазах бессмертного владыки, казалось, застыл лед, однако поверх него едва заметно отразились людские страсти.

Вскоре Фу Тинсюэ закрыл глаза, развернулся и легко ступил на меч Циншуан, не оглядываясь.

Что есть любовь?

В гареме тысячи женщин ждут случайного визита императора, но лишь масляные лампы в тишине порой качаются от ветра.

Водяные часы во дворце отсчитывают долгие минуты, и в самом сердце власти, где черепица покрыта тонким слоем инея, царит безмолвие.

Гу Шишу перебирал пальцами заклинание, то расширяя, то сужая барьер вокруг себя. Если он вложит в это искусство духовную силу, то увидит всё, что происходит по ту сторону зеркала Шаньхай, словно находясь там.

Фу Тинсюэ отправился в путь под покровом ночи и вернулся, когда луна еще не достигла зенита.

Он ступал по лунному свету, и в его глазах отражалось сияние ночного светила.

И первое, что он увидел, ступив на земли дворца демонов, был Гу Шишу.

— Получилось? — Гу Шишу небрежно развеял заклинание и повернул голову.

— Да.

Бессмертный владыка кивнул, не в силах сдержать взгляд, обращенный на Гу Шишу. Не каждый станет сидеть посреди ночи на крыше дворца демонов от нечего делать, но владыка демонов явно занимался именно этим.

Он проглотил вопрос, вертевшийся на языке, и перешел к делу:

— Цзин Цяньшань принял зеркало Шаньхай. Он собирается держать его на столе, так что если в нем появится изображение, он увидит его первым.

Гу Шишу тихо хмыкнул:

— Надеюсь, наш прилежный государь не подорвет здоровье и сможет и дальше заниматься государственными делами.

Фу Тинсюэ поджал губы, промолчав.

Гу Шишу, словно внезапно что-то вспомнив, приподнял веки и посмотрел на него. В его глазах играла насмешливая искорка, опьяняющая, словно крепкое вино:

— Фу Сяньцзунь, оставайся-ка ты здесь на эти дни. Меньше хлопот с полетами туда-сюда.

Была ли у него необходимость оставаться? Фу Тинсюэ задумался. Ради того, чтобы поддержать ложь, которую владыка демонов сказал Шэнь Няню? Чтобы продолжать связь с императором Цзин Цяньшанем? Чтобы помогать Гу Шишу строить планы и сотрудничать?

Все это не было обязательным.

С его уровнем совершенствования даже путь от секты Цинчэн до дворца демонов занимал не больше времени, чем горит палочка благовоний. Эти дела не были сложными.

Он уже собирался отказаться, но вспомнил тот взгляд, который видел в холодном, роскошном дворце.

Император владеет всем миром, обладает огромной властью, но перед зеркалом он проявлял самую отчаянную нежность и надежду.

Зеркало Шаньхай — одностороннее, и Фу Тинсюэ не скрывал этого. Но император был готов довольствоваться малым, лишь бы иметь возможность молча наблюдать за своим возлюбленным.

— ...Хорошо, — тихо ответил Фу Тинсюэ.

Гу Шишу сказал это почти случайно и не ожидал, что Фу Тинсюэ так легко согласится. Он удивленно приподнял брови.

Светлый, словно луна за облаками, бессмертный владыка опустил глаза, и тени от длинных ресниц скрыли его эмоции.

Он не хотел говорить. А Гу Шишу не стал спрашивать.

Несмотря на двусмысленную атмосферу, Гу Шишу вдруг почувствовал, что всё это потеряло всякий смысл.

После того дня Фу Тинсюэ должен был знать, что между ними больше нет никаких чувств. Разрыв отношений — это тоже была его инициатива.

И теперь, когда между ними не могло быть никакой привязанности, их разговор незаметно скатывался в двусмысленность.

Улыбка на его лице угасла.

Владыка демонов с бесстрастным лицом проанализировал свои действия и распорядился устроить Фу Тинсюэ неподалеку от своих покоев — исключительно ради удобства конспирации и общения. Он верил, что Фу Тинсюэ сможет не дать Шэнь Няню осознать свое присутствие; сил бессмертного владыки для этого хватало.

Личных вещей у него не было — только меч Циншуан.

Гу Шишу отдал все распоряжения.

На перемену в его отношении Фу Тинсюэ никак не отреагировал, его лицо оставалось непроницаемым.

Он убрал меч, слегка кивнул и удалился.

Гу Шишу остался на крыше. Он смотрел на звездное небо, где среди мириад светил одна звезда, принадлежавшая ему еще до рождения, светилась слабым кроваво-красным цветом. Это была звезда бедствия.

Небо может предрешить судьбу человека.

Но он не верил в Небесный Путь.

Поэтому в первой половине жизни он силой подавлял демоническую ци внутри себя, терпел невыносимую боль и проглатывал рвущуюся наружу жажду убийства.

Гу Шишу был рожден с телом демона, но он ни за что не хотел подчиняться этой бессмысленной и жестокой судьбе.

Он преуспевал год, два, десять, сто лет...

Пока не случилась та оплошность.

Но в конце концов он смог подавить в себе жажду крови. Шатаясь, истекая собственной кровью, он вернулся на самый родной пик Сяочжу.

Гу Шишу думал, что Фу Тинсюэ убьет его.

Ведь он был обречен на убийства — такова была его природа, такова судьба.

Но в глубине души он тайно надеялся, что Фу Тинсюэ спасет его.

Потому что их сердца были связаны, они были уязвимыми местами друг друга.

А Фу Тинсюэ сказал: Сегодня мы выпьем эту чашу вина, и с этого момента наши пути разойдутся, и мы больше никогда не вспомним друг о друге.

Гу Шишу ответил: ...Хорошо.

Этот ответ был взвешенным, а не пустой фразой.

Позже, в великой битве бессмертных и демонов, Гу Шишу сжег половину меча Циншуан и уничтожил тысячелетнюю культивацию Фу Тинсюэ. А тот в ответ безжалостно пронзил его остатком клинка, оставив шрам на груди, который до сих пор не зажил.

Они почти стали заклятыми врагами.

И вот, пройдя долгий путь, они вернулись к этому. Теперь они могли сказать, что ничего не должны друг другу, но это были уже не те люди, что прежде.

Гу Шишу был уверен, что давно оставил все чувства в прошлом.

...Но он не был уверен в своем актерском мастерстве.

Чтобы зеркало Шаньхай заработало, нужно было, чтобы Фу Тинсюэ передал его императору, а Цзин Цяньшань увидел действия Шэнь Няня. И чтобы это принесло плоды, Гу Шишу должен был позволить Шэнь Няню соблазнять себя.

Владыка демонов впервые не знал, как поступить.

Поразмыслив, он решил пустить всё на самотек.

Наступило утро следующего дня. Гу Шишу с самого начала дня договорился с Фу Тинсюэ. Прошла ночь, и их вчерашний разговор казался сном, словно никто из них не помнил о нем.

— Ты должен найти Шэнь Няня... или дождаться, пока он найдет тебя, — Фу Тинсюэ кивнул, вопросительно глядя на него.

— Он придет, — небрежно предсказал Гу Шишу. — События последних дней наверняка разочаровали его, но Шэнь Нянь уверен, что удача на его стороне, и не потеряет веры. Для него сейчас самое время перейти в наступление.

Он открыл черную книгу, хотел указать на нужный фрагмент, но вспомнил, что собеседник не может видеть предначертанное Небом, и его палец неловко замер, постучав по странице.

Страница вздрогнула, выражая недовольство, и Гу Шишу на миг усомнился, не похоже ли это на постукивание по голове самого Небесного Пути — впрочем, неважно.

Интересно, чувствует ли Небесный Путь боль, воплотившись в черную книгу?

В конце концов, он просто повернул голову к Фу Тинсюэ и с легкой усмешкой добавил:

— Я просто знаю.

Предсказание Гу Шишу оказалось верным, как и записи Небесного Пути.

Хотя... в реализации процесса возникли некоторые отклонения.

Два часа спустя Гу Шишу, как обычно, занимался делами в главном зале дворца демонов, когда услышал голос Шэнь Няня.

Это был наигранный испуг и привязанность. Главный герой, окруженный ореолом очарования, по-видимому, что-то сказал стражникам, и те пропустили его в зал.

Как его пропустили? Гу Шишу поднял голову и изо всех сил подавил смешок.

Ему было любопытно, как Шэнь Нянь в нынешних обстоятельствах собирается найти его так, как описано в черной книге. Ведь он не был тем обезумевшим владыкой демонов, который объявил на весь дворец: — Отныне Нянь-нянь может ходить куда захочет, в дворце демонов для него нет запретных мест, видеть его — всё равно что видеть меня.

Сейчас Шэнь Нянь был лишь безымянным гостем, если его вообще можно было назвать гостем.

Гу Шишу уже усложнил ему задачу.

Но Шэнь Нянь оставался сыном удачи с ореолом всеобщего любимца.

Гу Шишу не знал, как именно он это сделал, но, увидев Шэнь Няня, всё понял без слов.

На нем была одежда слуги, а в руках он держал метлу.

Конечно, Шэнь Нянь не собирался ограничиваться подметанием. Хотя он использовал это как предлог, чтобы убедить управляющего поменяться местами, с первой же минуты он начал свое представление.

Подметание было лишь для вида — он был рассеян, а вот украдкой поглядывать на Гу Шишу — вполне искренне.

Даже если бы Гу Шишу не узнал его сразу, сейчас всё стало очевидно. В конце концов, какой слуга будет подметать пол, бросая на владыку демонов взгляды, полные намеков?

Более того, другие слуги, подметая, опускали головы, а Шэнь Нянь принял эффектную позу, стараясь постоянно демонстрировать владыке свой профиль, который считал идеальным.

Ждет, когда я буду очарован?

Гу Шишу нашел это забавным.

Но в то же время ему стало не по себе. Ведь если бы это был он прежний, подпавший под влияние ореола, его разум был бы уже затуманен красотой юноши. Он бы не смог разглядеть истинных намерений, проникся бы жалостью и немедленно приказал бы ему отдохнуть.

Хм, пришло время сыграть такого себя?

Нет. Гу Шишу сделал едва заметный жест, и невидимый барьер накрыл весь главный зал.

Это была сцена. Шэнь Нянь играл, и Гу Шишу тоже должен был играть. А как же зрители?

Ведь каждое блестящее выступление требует присутствия аудитории.

За десятки тысяч ли отсюда, в столице, в императорском дворце.

Зеркало Шаньхай на столе молодого императора внезапно вспыхнуло, озарив его глаза.

Цзин Цяньшань в спешке схватил зеркало.

Он увидел лицо своего возлюбленного. Тот был все так же прекрасен, в уголках глаз играл блеск, взгляд был полон зависимости и любви, кожа — как снег. Он выглядел таким милым и жалким.

На мгновение Цзин Цяньшань даже забыл, что зеркало одностороннее.

Он подумал, что возлюбленный тоже видит его, и от нахлынувших чувств не удержался, коснулся зеркальной поверхности, шепча его имя.

Конечно, ответа не последовало.

Он присмотрелся внимательнее.

...Хм?

<http://bllate.org/book/18924/1851389>